

О ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА С.А. ШЕЙФЕРА И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье подчеркивается неопределимое значение для современного уголовного процесса творческого наследия профессора С.А. Шейфера по проблемам производства следственных действий. Анализируются основные направления проведенных С.А. Шейфером исследований по наиболее актуальным аспектам следственных действий: отсутствие законодательной трактовки и единства мнений об их понятии, о совершенствовании и развитии системы следственных действий, фактических основаниях проведения, о придании результатам применения технических средств при производстве следственных действий самостоятельного доказательственного значения, о спорности закрепления в УПК РФ контроля и записи переговоров как следственного действия, о недопустимости слияния процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий. Сделан вывод о том, что сегодня, наряду с другими проблемами уголовного процесса, по-прежнему востребованы многочисленными исследователями те, что связаны с производством следственных действий как одного из условий успешного развития науки в целом.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, проблемы, творческое наследие.

Профессор Семен Абрамович Шейфер – известный ученый, автор целого ряда бесценных фундаментальных исследований по проблемам доказывания, организации прокурорско-следственной власти, отличающихся необычайной глубиной, искренним убеждением в справедливости излагаемых взглядов. Особенно активно и плодотворно С.А. Шейфер работал над совершенствованием уголовно-процессуальной теории, законодательства и практической деятельности, связанной с производством следственных действий.

По мнению С.А. Шейфера, термин «следственные действия» традиционно трактуется либо в широком смысле, когда им охватываются все те действия, которыеследователь осуществляет на основе уголовно-процессуального закона, либо в узком смысле, когда под ними понимаются лишь действия познавательного характера, т. е. осмотры, освидетельствования, допросы и т. д. [1, с. 5–6]

Несмотря на то что термин «следственные действия» достаточно часто встречается в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), его понятие там отсутствует. Если в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. термин «следственные действия» встречается лишь 6 раз, в УПК РСФСР 1960 г. – уже около 40 раз, то в УПК РФ 2001 г. он используется около 130 раз. Эти цифры, как справедливо отмечается в литературе [2, с. 6], наглядно демонстрируют тенденцию роста значимости данного процессуального института для отечественного уголовного судопроизводства.

По подсчетам С.Б. Россинского, термин «следственные действия» в том или ином контексте «употребляется в УПК РФ 178 раз. Кроме того, этот же термин используется в ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ, в ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в ст. 69 Кодекса торгового мореплавания РФ, в ст. 64 ФЗ от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», в ст. 12 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в ст. 13 ФЗ от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и в других корреспондирующих УПК РФ законах и иных нормативных правовых актах» [3, с. 17].

Отсутствие законодательной трактовки термина «следственные действия» вызвало в науке активную дискуссию. В результате усилиями таких известных представителей науки, как О.Я. Баев, Р.С. Белкин, Ю.Н. Белозеров, В.М. Быков, И.Е. Быховский, Л.В. Виноцкий, И.Ф. Герасимов, Ю.В. Деришев, Л.Я. Драпкин, З.З. Зинатуллин, В.В. Кальницкий, А.В. Кудрявцева, А.М. Ларин, Ю.К. Орлов, А.В. Писарев, А.В. Победкин, С.Б. Россинский, В.В. Рябоконт, В.А. Семенцов, Б.П. Смагоринский, А.Б. Соловьев, В.Ю. Стельмах, А.А. Чувилев, С.А. Шейфер, В.Н. Яшин и др., были выработаны основные подходы к определению этого понятия.

С.А. Шейфер определял следственное действие «как комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов опре-

* © Семенцов В.А., 2017

деленного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [1, с. 38].

С.А. Шейфер утверждал, что «познавательная сторона следственного действия состоит в том, что в результате его проведения следователь получает фактические данные, сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу. Полученные законным способом и зафиксированные в предусмотренной форме, эти данные становятся доказательствами. Под таким углом зрения следственные действия представляют собой способ собирания доказательств. Однако в начальный момент доказывания предметом познавательной деятельности следователя являются не доказательства» [4, с. 12–13].

Впервые об этом С.А. Шейфер написал еще в 1972 г., указав, что доказательства не существуют в готовом виде, а появляются в процессе доказывания [5, с. 7, 15, 18], и поэтому термин «формирование доказательств» более точен, чем термин «собрание доказательств». Доказательства формируются в процессе познавательно-удостоверительной деятельности определенных субъектов доказывания, наделенных для этого соответствующими полномочиями [6, с. 61].

Правильное понимание сущности следственных действий обеспечивается определением цели их производства — установления фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. «Цель следственного действия, — справедливо отмечал С.А. Шейфер, — это идеальный образ информации (ее формы и содержания), которую предстоит получить следователю путем применения предусмотренных законом познавательных приемов. Различные по целям и соответствующим им методам следственные действия дают возможность извлечь из одних и тех же следов разную по содержанию и форме информацию» [1, с. 18].

В современном уголовном процессе России все следственные действия объединены в систему, которая по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства постоянно пополнялась новыми познавательными приемами, отражая потребности государства в деле борьбы с преступностью, возникающие на различных этапах его развития. «Система следственных действий, — писал С.А. Шейфер, — это не статическое, неизменное образование. Теория познания учит, что круг средств познания в окружающем мире непрестанно совершенствуется и развивается» [7, с. 8].

По мнению С.А. Шейфера, следственные действия представляют собой организованную целостную систему, что проявляется в их внутренней взаимосвязи и упорядоченности: все следственные действия имеют общую правовую конструкцию («гипотеза», «диспозиция», «санкция»), в равной мере подчинены принципам уголовного процесса и нравственным требованиям общества, в их основе лежат одни и те же познавательные и удостоверительные операции [1, с. 55].

Рассматривая в единстве все предписания закона, регламентирующие проведение как отдельных след-

ственных действий, так и всех их в совокупности, С.А. Шейфер пришел к выводу, что структура института следственных действий охватывает три группы правовых предписаний: «1) основания проведения следственного действия; 2) правила, непосредственно регламентирующие поведение следователя и лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях; 3) меры принуждения, применяемые к участникам следственных действий» [4, с. 22].

Действительно, важное значение в обеспечении возможностей использования результатов следственных действий в качестве доказательств и одновременно гарантий прав и законных интересов участников имеет правильное установление оснований производства следственных действий, их формальная выраженность в процессуальных решениях об их проведении.

Следует иметь в виду, что понятие «основания производства следственных действий» включает в себя как фактическую, так и юридическую (формально-правовую) составляющие, причем сказанное относится ко всей системе и к отдельно взятому следственному действию. Под фактическими основаниями традиционно понимаются сведения (данные), свидетельствующие о возможности (необходимости) производства следственных действий.

Так, С.А. Шейфер определял суть фактических оснований для проведения следственных действий как наличие данных о возможности получения искомых доказательств и предлагал использовать в качестве своеобразной модели конструкцию нормы, в которой закреплены фактические основания для производства обыска, поскольку она сформулирована достаточно четко и позволяет выделить три необходимых элемента, составляющих фактические основания: а) источники, из которых следователь может черпать доказательственную информацию; б) цель проведения следственного действия; в) объем фактических данных, необходимых для вывода о том, что в источниках действительно содержится искомая информация [1, с. 105–106].

Фактическим основанием для проведения следственных действий могут служить не только уголовно-процессуальные доказательства, но и данные, полученные из оперативно-розыскных источников. Принципиальная возможность использования оперативно-розыскной информации при проведении следственных действий заложена и в УПК РФ (в качестве фактического основания), хотя прямо в тексте закона не указана. Данные ОРД в первоначальном виде, а не в форме доказательств могут служить основанием проведения следственных действий, и чаще всего таких, как обыск или выемка, справедливо считал С.А. Шейфер [1, с. 113].

17 апреля 2017 г. УПК РФ дополнен ст. 450.1, где предусмотрено производство до возбуждения в отношении адвоката уголовного дела осмотра жилых и служебных помещений, используемых для осуществления адвокатской деятельности, когда в указанных помещениях обнаружены признаки совершения пре-

ступления. Критически оцениваем указанные положения закона, поскольку на практике имеют место случаи фактической подмены осмотра обыском, тем более что ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ хотя и косвенно, но подтверждает это, допуская возможность отыскания конкретных объектов не только при производстве обыска, но также выемки и осмотра.

Прав профессор С.А. Шейфер, отмечавший, что «существенное отличие обыска от осмотра в том, что обследование объекта при обыске осуществляется принудительно, сопряжено с вторжением в сферу личных интересов граждан, вследствие чего наблюдение (общий признак обыска и осмотра. — В.С.) приобретает отчетливо выраженный поисковый характер, направлено на обнаружение скрываемых, а не лежащих на поверхности предметов» [4, с. 67], а «проведение ненадлежащего следственного действия приносит тройной вред: делается ненужная работа; существенно затрудняется или утрачивается полностью возможность получить и закрепить необходимые фактические данные; необоснованно стесняются права граждан» [4, с. 44].

По-прежнему вызывает интерес позиция С.А. Шейфера, который считал целесообразным придать фоно- и видеограммам, изготовленным при проведении следственных действий, значение отдельных доказательств, оговорив при этом, что каждое из них может использоваться только в сочетании с протоколом соответствующего действия [8, с. 164].

Думается, что именно путем сохранения единства протокола следственного действия и материалов технической фиксации, но с приданием результатам применения технических средств доказательственного значения можно решить эту проблему. В связи с этим предлагаем дополнить ст. 83 УПК РФ частью второй следующего содержания: «Материалы применения технических средств фиксации при производстве следственных действий допускаются в качестве доказательств, если соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом, и указаны в протоколе следственного действия».

Возникает также необходимость уточнить наименование процессуального источника доказательств, указанного в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, «протоколы следственных и судебных действий», следующим образом: «5) протоколы следственных, судебных действий и материалы применения при их производстве технических средств фиксации».

При этом следует сохранить единство технической записи и процессуального документа, предусмотрев возможность сокращения описательной части протокола до краткого изложения основных сведений. В связи с этим необходимо дополнить ч. 5 ст. 166 УПК РФ нормой следующего содержания: «В случае применения аудио- и (или) видеозаписи в протоколе может излагаться краткое содержание следственного действия».

По результатам исследования вопроса о правомерности отнесения судебной экспертизы к числу след-

ственных действий С.А. Шейфер сделал вывод, что с учетом познавательной и процессуальной характеристики экспертиза занимает особое место в системе следственных действий, поэтому неправильно рассматривать ее как автономную форму познания [1, с. 77]. В этом контексте отметим, что, несмотря на очевидную востребованность судебной экспертизы и эффективность ее использования в практике уголовного судопроизводства, нет единства мнений о правовой природе, о месте и роли судебной экспертизы в системе уголовного судопроизводства, о процедурных правилах ее назначения и производства.

Современный законодатель рассматривает судебную экспертизу как «процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу» [9]. Это послужило основанием для утверждения отдельными учеными, что судебная экспертиза по своей правовой природе не следственное действие.

С.А. Шейфер полагал, что «весьма спорным остается закрепление в УПК РФ такого следственного действия, как контроль и запись переговоров... это типичное оперативно-розыскное действие... Поэтому сохранение этой нормы (ст. 186. — В.С.) в Уголовно-процессуальном кодексе нецелесообразно» [10, с. 191, 193]. По мнению С.А. Шейфера, в процедуре контроля, предусмотренной УПК РФ, отсутствует определяющий признак следственного действия — непосредственное получение самим следователем доказательственной информации от ее носителя, поэтому рассматриваемое действие остается типичным оперативно-розыскным мероприятием. Кроме того, автор не находит существенного различия между п. 10 ст. 6 Закона об ОРД и ст. 186 УПК РФ [11, с. 91].

В законодательстве ряда государств на постсоветском пространстве наряду с традиционным подходом к классификации следственных действий предлагается теперь новый, с выделением группы негласных следственных действий, когда фактически речь идет о преобразовании оперативно-розыскных мероприятий в следственные действия.

«Между тем, — писал С.А. Шейфер, — УПК РФ, а в основном и процессуальная наука занимают противоположную позицию и исходят из того, что процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия несовместимы (хотя из этой концепции допускаются некоторые исключения — в ст. 186 и 186.1 УПК РФ)» [12, с. 8–9]. И еще: «...слияние процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий недопустимо, ибо оно разрушает принципиальные основы уголовного процесса» [7, с. 11].

Поэтому прямой перенос в сферу уголовного судопроизводства оперативно-розыскных мероприятий

и пополнение тем самым системы следственных действий негласными познавательными приемами следует признать радикальным решением, ломающим давно устоявшиеся представления о понятии и системе следственных действий.

Однако следует учитывать, что между уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным правовым регулированием нет, да и не может быть, «китайской стены», а согласованность этих видов деятельности обусловлена общей целью – защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Поэтому вполне оправдан скоординированный подход законодателя к регулированию некоторых отношений, возникающих в сфере совместного ведения уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности.

Имеются и другие теоретические разработки, отражающие разносторонние актуальные вопросы, связанные с излюбленной темой авторитетного ученого, раскрыть которые в формате статьи объективно невозможно. Очевидно, что творческое наследие профессора С.А. Шейфера по проблемам производства следственных действий будет востребовано многочисленными исследователями, способствуя дальнейшему развитию науки уголовного процесса, будет находить применение в образовательной деятельности.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
2. Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Основания проведения следственных действий: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 86 с.
3. Россинский С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.
4. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.
5. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
6. Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказательственной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 59–65.
7. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16.
8. Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Саратов. ун-т, 1986. 170 с.
9. Ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.

11. Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 90–92.

12. Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 110 с.

References

1. Sheifer S.A. Sledstvennyye deistviia. Sistema i protsessual'naia forma [Investigative actions. System and procedural form]. M.: Iurlitinform, 2001, 208 p. [in Russian].
2. Voronin S.E., Meremyanina O.V. Osnovaniia provedeniia sledstvennykh deistvii: ucheb. posobie [Grounds for conducting investigative actions: textbook]. Krasnoyarsk: Sibirskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2004, 86 p. [in Russian].
3. Rossinskiy S.B. Poniatie i sushchnost' sledstvennykh deistvii v ugovnom sudoproizvodstve: diskussiiia prodolzhaetsia [Concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion continues]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 2, pp. 16–31 [in Russian].
4. Sheifer S.A. Sledstvennyye deistviia. Osnovaniia, protsessual'nyi poriadok i dokazatel'svennoe znachenie [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidential significance]. M.: Iurlitinform, 2004, 184 p. [in Russian].
5. Sheifer S.A. Sushchnost' i sposoby sobiraniia dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Essence and ways of collecting evidences in the Soviet criminal process]. M.: VYuZI, 1972, 130 p. [in Russian].
6. Sheifer S.A. Rol' zashchity v formirovani dokazatel'svennoi bazy po ugovnomu delu [Role of protection in the formation of body of evidence in the criminal case]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 2006, no. 7, pp. 59–65 [in Russian].
7. Sheifer S.A. Sistema sledstvennykh deistvii: kakovy puti ee razvitiia? [System of investigative actions: what are the ways of its development?]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 2, pp. 5–16 [in Russian].
8. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse [Collecting evidence in the Soviet criminal trial]. Saratov: Sarat. un-t, 1986, 170 p. [in Russian].
9. St. 9 Federal'nogo zakona «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deiatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii» ot 31 maia 2001 g. № 73-FZ (red. ot 8 marta 2015 g.) [Article 9 of the Federal Law «On State Forensic Expert Activities in the Russian Federation» dated May 31, 2001 № 73-FZ (as amended on March 8, 2015)]. Sobr. zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 23, Article 2291 [in Russian].
10. Sheifer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniia [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. M.: Norma, 2008, 240 p. [in Russian].

11. Sheifer S.A. Problemy razvitiia sistemy sledstvennykh deistvii v UPK RF [Problems of development of the system of investigative actions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2002, no. 3, pp. 90–92 [in Russian].
12. Sheifer S.A. Sobiranie dokazatel'stv po ugovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki [Collecting evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. M.: Norma, 2015, 110 p. [in Russian].

*V.A. Sementsov**

ON THE CREATIVE LEGACY OF PROFESSOR S.A. SHEIFER AND ITS IMPORTANCE FOR THE FORMATION OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article emphasizes the importance for modern criminal process of a creative heritage of professor Sheifer on the problems of carrying out investigative actions. The main directions of research undertaken by S.A. Sheifer on the most relevant aspects of the investigation: lack of legal interpretation and consensus about the concept of improvement and development of the system of investigative actions, the actual grounds of carrying out, to give the results of application of technical means during investigative actions of independent evidentiary value, about the controversy in the consolidation of Criminal Procedure Code control and record of negotiations as investigations on the inadmissibility of merging procedural and operational-investigative activities are investigated. It is concluded that along with other problems of the criminal process, still in demand by numerous re-searchers are those associated with the production of investigative actions, as one of the conditions of successful development of science in general.

Key words: criminal proceedings, investigations, problems, artistic heritage.

* *Sementsov Vladimir Aleksandrovich* (crimpro@yandex.ru), Department of the Criminal Process, Kuban State University, 149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040, Russian Federation.